

СКАЗАНИЯ И ПОВЕСТИ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

**Издание подготовили
Л. А. ДМИТРИЕВ и О. П. ЛИХАЧЕВА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1982**

Д. С. Лихачев

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КУЛИКОВСКОЙ ПОБЕДЫ

Победа объединенных сил русских княжеств под предводительством московского великого князя Дмитрия Ивановича 8 сентября 1380 г. имела огромное значение для всего южного и восточного славянства; больше того — для всех народов Восточной Европы. Она произошла в момент наибольшего натиска на все славянство Османского государства, с одной стороны, и Золотой Орды — с другой.

15 июля 1389 г. войско сербского князя Лазаря потерпело страшное поражение на Косовом поле. Несмотря на мужественное сопротивление, Сербия превратилась в вассала Турции. В 1393 г. Турецкая империя уничтожила болгарское Тырновское царство, а в 1396 г. — Видинское. И это произошло в тот период, когда и Сербия, и Болгария переживали огромный культурный подъем, когда искусство обогащалось новыми предвострожденческими принципами, а в литературе появилась и расцвела Тырновская литературная школа.

К счастью для Руси и для южнославянской культуры, в течение всей середины и второй половины XIV в. Русь явилась хранительницей письменного наследия славянства, и здесь, на Руси, происходил аналогичный подъем культуры, что и в южнославянских странах. На Руси рука об руку с русскими книжниками, с русскими зодчими и живописцами в это время работают болгарские, сербские и византийские мастера. На Русь устремляются спасающиеся от османского ига книжники, художники, переносятся книжные богатства, формируется не только русское национальное самосознание, но и сознание славянской общности.

Куликовская победа пришла на гребне этого культурного подъема и сама явилась новым толчком к дальнейшему росту культуры и национального самосознания.

Как же развивались события?

Ханская власть на Руси не была властью одной какой-либо национальности. В начале XIII в. государство Чингисхана, а потом Батые, покорившее себе Русь, образовалось еще до того, как в его пределах появились нации и национальности. Это было объединение различных племен, связанных между собой общностью военных интересов, стремлением захватить добычу, получать дань с покоренных народов.

Когда «татары», как называли их русские летописи и былины, появились на границах Руси, летописцы правильно писали: «Никто их хорошо не знает: кто они такие, откуда они пришли, что они за народ и какого они племени», а затем с сомнением передавали на этот счет различные слухи.

Завоеватели, пришедшие в XIII в. с Батыем, постепенно растворились в Кыпчакской степной среде, да и впоследствии войско ханов было многоплеменным и колеблющимся в своем составе. Ханы мобилизовали в свое войско жителей покоренных ими стран.

С установлением чужеземного ига началось отставание и социального и культурного развития Руси. Это и понятно: люди думали по преимуществу о самосохранении. Летописец пишет, что даже «хлеб не шел в рот от страха».

Отставание от нормального развития охватило не только покоренных, но и самих покорителей. Их развитие не могло происходить нормально. Чужое, награбленное и даровое богатство не шло впрок. Оно не стимулировало труда — подлинную основу социального и культурного движения вперед. Характерно, что перед своим походом на Русь, приведшим к его полному поражению на Куликовом поле, хан Мамай самонадеянно разослал приказ по улусам не сеять хлеб: «будем, мол, осенью на русских хлебах».

Поэтому свержение ига было необходимо для народов всей Восточной Европы, а для народов Южной Европы оно знаменовало собой общую надежду на грядущее освобождение из-под «ига ущербной луны».

Куликовская победа не означала полного уничтожения ига, но, как мы увидим, привела к резкому перелому в самом характере золотоордынского властвования на Руси и сделала несомненным для всех грядущее полное освобождение от национального порабощения.

Ханская власть стремилась разделять и властвовать, натравливать русских князей друг на друга. Однако Москва вопреки намерениям Орды постепенно становилась объединяющим центром Руси. Этому способствовали многие условия: и удачное расположение Москвы на скрещении торговых дорог в некотором удалении от Золотой Орды, и политическая энергия и дипломатическая изворотливость московских князей. Некоторое время роль объединителя Руси колебалась между Москвой и Тверью, но в конце концов Москва вышла победительницей. Она стала центром складывающейся великорусской народности.

Орда в это время обладала огромными пространствами и неисчислимыми людскими ресурсами. Она владела и Крымом на юге, и устьем Сырдарьи на востоке. Но, как и всякое военное государство, она не имела надежной экономической основы и не была национально единой. В середине и второй половине XIV в. Орда сама раздиралась внутренними усобицами. То, в чем она видела надежный залог своего владычества на Руси — отсутствие политического единства, это-то и поразило ее саму.

В 1378 г. русские победили ордынцев во главе с Мамаем на реке Воже. Это была первая крупная, но еще не решающая победа Руси. Хан Мамай, которому удалось захватить власть в Орде, стал готовиться к огромному походу на Москву, стремясь получить подавляющий численный перевес над русскими. В войско он включил различные племена и нанял многочисленных наемников, включая опытных в военном деле генуэзцев из Крыма. Кроме того, он подготавливал свой поход дипломатически, пытаясь изолировать Москву и привлечь на свою сторону Литву и слабую, постоянно подвергавшуюся разорению пограничную Рязань.

Но Мамаю не удалось сохранить своих приготовлений в тайне. Дмитрий Московский стал готовиться к войне заранее и начал спешно собирать свои войска, как только осенью 1380 г. огромное войско Мамаю появилось на реке Воронеже.

Дмитрию важна была не только армия, но и поддержка простого народа Руси: крестьянства, ремесленников, торговцев. И вот тут он пошел на очень решительный шаг.

В пределах Московского княжества существовал бедный монастырь, основанный Сергием Радонежским во имя Троицы — древнерусского символа единения и готовности к самопожертвованию.

Основатель монастыря Сергей считал бедность и труд основными монашескими подвигами. Сам он одевался так бедно, что приходившие к нему не могли поверить, что перед ними прославленный игумен, по одному слову которого закрылись все церкви в Нижегородском княжестве, когда нижегородский князь осмелился ослушаться Москвы. Сергей сам строил кельи для своих монахов, таскал в гору воду для монастыря, шил бедную монашескую одежду и копал огороды. Именно благодаря своему трудовому образу жизни и искусству в работе простых крестьян и ремесленников, он пользовался громадным нравственным авторитетом среди населения Руси. Дмитрий не вызвал Сергия в Москву, а сам пришел к нему за благословением перед походом, и Сергей дал ему двух монахов. Разумеется, вряд ли два монаха могли как-то «физически» усилить русское войско в битве, в которой принимали участие стотысячные армии, но морально эти два воина в монашеских одеждах имели громадное значение в условиях средневекового главенства церкви в духовной жизни. Дело в том, что монахи не могли сражаться и носить оружие, быть воинами. То, что в войске Дмитрия появились ратники монахи, означало, что война с чужеземными завоевателями — священное дело, общий долг всех русских людей.

С войсками Дмитрия двинулись и народные ополчения.

Перед решительным сражением московский великий князь Дмитрий устроил в месте сбора — в Коломне — смотр русскому войску. Смотр этот также должен был поднять дух русского войска, помочь русским воинам осознать свою многочисленность и силу. Дух русского войска поднимали великолепные новые каменные стены Московского кремля, по-

строенные в 1366—1367 гг., новые храмы в Коломне и Серпуховском княжестве.

Когда дошли до Дона около впадения в него речки Непрядвы, перед русскими предводителями встал вопрос: дожидаться ли войск Мамаю, прикрывшись рекой, или, рискуя в случае поражения погубить все войско, перейти Дон и, отрезав себе все пути к отступлению, сражаться до последнего... И Дмитрий вместе со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским решительно и мужественно избрали второе. Они перешли Дон. Позиция была удачной в том отношении, что врагам нельзя было, пользуясь своей многочисленностью, охватить русское войско с флангов, как это всегда делали войска степняков. Нельзя было и ввести в бой многочисленную конницу развернутым фронтом. К тому же русским удалось спрятать в дубраве запасный полк, и об этом не узнали ордынцы.

Натиск войск Мамаю был ужасающим, и первая половина битвы стоила обеим сторонам огромных жертв. Русские стали отступать, оттесняемые к Дону. Надо было иметь огромное самообладание, чтобы, видя поражение своих, выдержать время, не вступить в бой слишком рано спрятанному в дубраве запасному полку. Этот момент был найден: как только ханское войско миновало дубраву, свежие силы русских внезапно выступили и ударили в тыл врагу. Поражение Мамаю было полным, и преследование противника затянулось за ночь.

Дмитрий, прозванный за свою победу Донским, на следующий день «встал на костях» и почтил память погибших, прощаясь с ними и прося их о прощении.

Еще перед битвой Дмитрий пригласил с собой сурожских (крымских) купцов, в большинстве своем генуэзцев, чтобы они были свидетелями его победы и разгласили о ней повсюду. И «шибла слава» о русской победе по всему Востоку и Западу. Среди городов, куда донеслась весть о победе, в наиболее известном из древнерусских произведений о Донской битве — «Задонщине» — упоминается и Рим, и Кафа в Крыму, и Железные Ворота (Дербент) на Каспийском побережье Кавказа, а также болгарский город Тырново. И последнее особенно знаменательно: русская победа рассматривалась в «Задонщине» в ее общеславянском значении.

Но Орда не теряла надежды восстановить свое господство на Руси. Через два года преемник Мамаю хан Тохтамыш вторгся новым внезапным походом на Русь и хитростью захватил и разорил Москву. От систематического сбора дани и управления русскими княжествами Орда перешла к хищническим набегам и захватам. «Татарская» власть на Руси резко переменила свой характер. Орда уже не назначала великих князей. Они перестали быть ордынскими ставленниками на Руси. Великие московские князья стали пользоваться традиционным законным наследственным правом и передавать московское великое княжение старшему сыну.

В 1395 г. на Москву снова идет походом знаменитый и грозный завоеватель всей Передней Азии — хан Тамерлан (Темир-Аксак, т. е. Желез-

ный Хромец, как звали его русские летописи).¹ Сын Дмитрия Донского Василий Дмитриевич собрал войско и выступил ему навстречу. Но страшный завоеватель Тамерлан, перед которым дрожала вся Европа, не решился напасть на русское войско и от города Ельца повернул обратно. Василий прекратил уплату дани Орде.

Снова пошел на Москву хан Едигей, и снова в глубокой тайне. Его поход был похож на грабительский налет. Едигею удалось осадить Москву. Взяв откуп, он удалился. От покорности Москва перешла к сопротивлению, и Золотая Орда принуждена была захватывать добычу только набегами. Неизбежность освобождения Руси становилась все более очевидной для обеих сторон. А ровно через сто лет после Куликовской битвы в 1480 г. Иван Третий бросил на землю ханскую золотую басму, которой были снабжены послы хана в качестве знака их полномочий, и топтал ее ногами. Иго окончательно закончило свое существование. Встретив могучее русское войско, после многодневного знаменитого «стояния на Угре» ханское войско без боя повернуло назад.

Русские с уважением относились к татарам как к сформировавшемуся уже к тому времени народу, к их военным способностям, и никогда не проявляли чувства своего расового превосходства. Татарская знать принималась в русское дворянство. Сохранилось предание, что выезжавшие на Русь татарские князья зимой получали шубу с княжеского плеча, а летом — княжеский титул. Эта была шутка, но шутка, отражавшая положение, при котором татарские вельможи ценились на Руси. А татарские торговцы и ремесленники свободно ездили по всей Руси без всяких ограничений, в русском войске были татарские отряды.

Выехавший на Русь еще в конце XIII в. Петр «царевич ордынский» стал почитаемым русским святым, однако приходившие на Русь набегами татары были злейшими врагами русского народа, ненависть к которым запечатлели русские былины и исторические песни.

Подъем, предшествовавший Куликовской победе и последовавший за ней, ярко запечатлелся в русском искусстве и русской литературе. В живописи этот подъем ознаменован творчеством Андрея Рублева, в литературе — творчеством Епифания Премудрого, в эпосе — завершением создания киевского цикла былин, в политической мысли — обращением к традициям времен независимости Руси, в исторической мысли — созданием ряда огромных московских и новгородских летописных сводов, а в письменности вообще — появлением многочисленных и сложнейших переводов теологической литературы с греческого. Мы можем предполагать, что к этому же времени относится и подъем русской церковной музыки (многие тексты стали в это время не читаться, а петься), и подъем естественнонаучных знаний о мире.

¹ «Железным» он был назван за свою жестокость, но легенда объяснила это его прозвище еще и тем, что он якобы сам сковал себе железную ногу.

Что самое важное в том культурном подъеме, на гребне которого пришла Куликовская победа, — подъеме, который отчасти предшествовал битве и морально ее подготовил, затем продолжался после победы?

Самым значительным было обращение во всех областях культуры к человеку, к его внутренней жизни, к его достоинству, к его личности.

Взгляните на фрески Рублева во Владимирском соборе, на его произведения в иконописи, на произведения Феофана Грека (хоть и грек по происхождению, он был все же явлением русской культуры — именно «явлением», потому что такое не часто встречается в культуре и искусстве), на произведения живописи того времени в целом. Какое поразительное и какое «тихое» чувство собственного достоинства в образе человека того времени! Даже не ум, а мудрость, даже не стойкость, а готовность к самопожертвованию, даже не чувство долга, а готовность нести служение идее. Такое не могло быть выдуманно художником, если его не было в жизни. Сверхличностное начало светится в образе человека, излучается им. А если мы примем во внимание, что тонкий вкус и своеобразный аристократизм духа в цветовых сочетаниях, в композиции и движении линий не могли оставаться без отклика в восприятии современников, то характер человека этого времени, человеческий идеал, к которому стремились люди конца XIV—начала XV в., предстанут перед нами во всем их скромном величии.

Но ведь то же удивительное человеческое и человечное начало звучит и в произведениях зодчества начала XV в. Собор Андроникова монастыря и церковь Успения в Звенигороде во всем соразмерны человеку, отражают его веру в себя, не пытаются величию и величиной подавить окружающую природу и окружающих людей. Они просты и гармоничны — гармоничны в собственных внутренних пропорциях и линиях и одновременно находятся в гармонии с окружающим их миром. В них ощущается обращение к образам Руси времени ее независимости, к храму Покрова на Нерли XII в. Принято говорить, и не без основания, о родстве архитектуры и музыки. Зодчество сравнивают (и сколько раз!) с застывшей музыкой. Древнерусские же храмы этого времени — это застывшая русская протяжная песнь. Это голос человека — не инструмента.

В литературе в это же время развивается стиль, способный передавать глубокую взволнованность человека, — стиль эмоциональный и филологически сложный (отсюда и прозвание главного представителя этого стиля — «Премудрый»).

Почему же возникло это особое внимание к человеку? Время, когда человек оценивался главным образом по своему положению в иерархии феодального общества, проходило. Нужны были личные качества человека. Только они могли обеспечивать полную жертвенности борьбу за национальную независимость.

И еще одна черта была свойственна культуре этого времени — времени подъема национального самосознания: глубокий интерес к истории. В конце XIV и начале XV в. на Руси, а на Балканах в течение всего XIV в., возрождались интерес и уважение к своему прошлому.

Все эти черты, общие для восточнославянских и южнославянских культур. И именно эта общность делает значение Куликовской победы таким широким и всеобъемлющим. Если в настоящее время мы имеем хотя и далеко не полное, но некоторое представление о письменности на Балканах и на Руси, то этим мы в значительной мере обязаны тому, что шестьсот лет назад события на Куликовом поле сдержали натиск ордынских войск, а ровно через сто лет, в 1480 г., Русь окончательно освободилась от иноземного ига. И это в значительной мере помогло сохранить культурные ценности южного и восточного славянства. Сюда, на Русь, спасаясь от османского ига, уходили южнославянские книжники, художники и общественные деятели, такие как Киприан, Григорий Цамблак, Арсений Грек, Феофан Грек, Пахомий Серб, сюда еще раньше приехали работать неизвестные сербские художники, расписавшие новгородскую церковь Спаса на Ковалеве как раз в год Куликовской победы и изобразившие на стенах ее, в нижнем регистре, большие мужественные фигуры святых воителей. Сюда же на Русь тысячами в течение нескольких веков переносились книги. Здесь они переписывались и тем спасли в значительной степени южнославянскую культуру от полного забвения.